

1993-окт. (N 15-16). — С. 7.

Юрий Александров:

"В душе у каждого живет свой театр"

Юрий Александров — человек умный, ироничный и независимый, протестующий против всяческих стандартов и приветствующий все искренне личностное, отстаивающий право художника на ошибку. Дух экспериментаторства зовет его навстречу своей судьбе — риску и поиску...

Александров — автор пятидесяти постановок, осуществленных на десятках самых разных сценических подмостков. Пятнадцать лет жизни связано с Мариинским и вот уже шесть лет существует созданный Александровым Камерный театр. В самом конце минувшего сезона там состоялась премьера "Евгения Онегина" — во многом антирадикальная, сразу же вызвавшая ожесточенные споры, а кого-то повергшая просто в шок. В том же сезоне Александров "покусился" и еще на один шедевр русской оперной классики — в Анкаре им поставлен "Князь Игорь".

— В Турции, — рассказывает режиссер, — я подписал контракт на шесть постановок. Там у них — четыре оперных театра, находящиеся в ведении единой генеральной дирекции. Весной намечаются еще две премьеры: 1 марта в Измире — "Евгений Онегин" (в сценической версии, близкой к той, которую только что увидели петербуржцы), а 29 апреля в Анкаре — "Лоэнгрин". Задуманы также "Борис Годунов", "Пиковая дама" и "Похищение из сераля", но пока нет официального подтверждения.

— А почему вы решили начать именно с "Князя Игоря"?

— Честно говоря, выбирал не я. Меня так долго убеждали, что мое прямое дело — только комические оперы и камерные постановки, что я уж было и сам в это поверил. Но вот в Турции сочли иначе...

Опера исполнялась на турецком языке и первые десять дней возникали некоторые трудности: что и как нужно делать, куда пойти и т.д. приходилось объяснять через переводчика. Потом такая необходимость как-то сама собой отпала и общение продолжалось на уровне звуковых интонаций (в конце концов, для меня

ведь всегда главное — музыка, ее, а не текст, я ставлю). Премьерный состав был очень молодым: Игорю — 24 года, Ярославне — 25... Успех был грандиозный. Вторую премьеру — так называемый гала-спектакль (на который обычно приглашаются высокопоставленные лица) — пели опытные, заранее знающие "как нужно" примы. Состав умелый, многократно проверенный, но те, кто побывал на двух премьерах, отдали предпочтения молодым...

Для меня "Князь Игорь", подобно "Хованщине" или "Борису Годунову", — опера про сегодня. Главная тема — покаяние вождей, последствия политического авантюризма. Князь слишком виновен, предприняв поход вопреки всем предостережениям и даже — Божьему знамению. Поэтому его возвращение никак не может быть радостным. Мой Игорь возвращается из плена обрван-ным, обесцеленным, поседевшим. Он на грани самоубийства и только сын спасает его от этого шага. Встреча с Ярославной — воссоединение двух обезумевших, бесконечно страдающих людей — мгновенное переключение в плоскость романтической эстетики. Финал — тихое покаяние. Опера заверша-

ется у меня хором поселян...

— А что побудило вас обратиться к "Евгению Онегину", учитывая, что эта опера идет еще на трех петербургских сценах?

— Мое глубокое убеждение — "Онегин" должен идти в каж-

должен быть именно таким. Но сегодня мы многое воспринимаем иначе.

Не скрою, поначалу у меня было сильное желание сделать этот спектакль, так сказать, в "контру" другим, но оно прошло

буквально ко второй репетиции. Если говорить о концепции, то ее вкратце можно было бы изложить так. В душе у каждого живет свой театр. В моем спектакле это — театр Татьяны. Все, что происходит на сцене — плод ее воспаленного воображения. Семнадцатилетняя девушка, начитавшись французских романов, она сочиняет собственную пьесу, наивную историю с убийством, тайными письмами и встречами...

Еще одна причина — наличие молодого состава исполнителей. Например, нашему Онегину всего 22 года. То есть, нашим артистам все это близко, они искренне играют самих себя со своими проблемами и страстями. И каждый спектакль превращается в исповедь.

В Камерном сегодня собралось много начинающей молодежи. Где бы я ни работал, я

отовсюду "воровал" хороших певцов и у нас сегодня настоящая сборная СНГ: Петрозаводск, Самара, Нижний Новгород, Львов, Самарканд, Ташкент, Новосибирск...

Труппа требует колоссальных усилий, постоянного напряжения. Два-три года молодые актеры решают прежде всего учебные задачи, а потом... Получив определенную школу в Камерном театре, Анатолий Пономарев, например, ушел в Малый оперный. Владимир Галузин, приехав из Новосибирска и проработав у нас полтора года, принят в труппу Мариинского театра. Конечно, жаль, и все-таки приятно.

— А, кстати, как складываются сегодня ваши отношения с Мариинским театром, где давно уже не было ваших новых работ?

— К Мариинскому театру я отношусь с особым теплом и нежностью. Он многое мне дал и многому научил. Были времена, когда мы с Валерием Гергиевым много и счастливо сотрудничали. Ни с кем не сделал больше, чем с ним: "Дон Паскуале" — наша первая опера в театре, "Отелло" в Осетии, капитальные возобновления "Фауста" и "Лоэнгрина", "Сорочинская ярмарка" и даже трагически незавершенный "Дон Жуан"... Случались между нами и моменты взаимного непонимания. Теперь как будто все налаживается, так что какой-то спектакль возможно будет. Надеюсь, что мы найдем верный тон, который позволит нам снова плодотворно работать вместе.

Беседовала
Марина СЕНЬ
Фото
Юлии ЛАРИОНОВОЙ

дом театре. Это такая "школьная" работа, через которую должны пройти все, своего рода кодекс или устав.

Конечно, постановка Юрия Темирганова в Мариинском театре для своего времени замечательное явление. Тогда, в начале 80-х всем казалось, что "Онегин"